

Во дворце Цинъюнь уже зажгли огни. Цзилинь сидел за столом, отрешённо перелистывая свитки.

Теневые стражи, приставленные оберегать Жуань Синшу, уже успели доложить о каждом шаге мастера, так что император был спокоен. Он продолжал медленно переворачивать страницы. Цзилинь почувствовал появление Жуань Синшу в ту же секунду, как тот ступил на порог дворца, но даже не шелохнулся.

Шаги Синшу становились всё ближе. Цзилинь на мгновение оторвался от чтения, глянув в сторону выхода, и заметил, как тот вдруг попятился.

Император не спешил. Он уподобился терпеливому хищнику на охоте, затаившемуся в ожидании, пока добыча сама не прыгнет в руки.

И верно: вскоре снаружи послышалась какая-то возня. Однако Жуань Синшу так и не вошёл — вместо него в зал влетела бамбуковая стрекоза. Игрушка пронеслась через всё помещение и замерла в воздухе прямо перед лицом Цзилиня. Тот скользнул по ней равнодушным взглядом, не меняя позы.

За дверями прислужник Нин Юй, отчаянно управляя игрушкой, прошептал:

— Бессмертный мастер Жуань, вы уверены, что эта затея сработает? Государь никак не реагирует, а если...

На лбу юноши уже выступила испарина.

Жуань Синшу облизал пересохшие губы. Он сомневался.

— Должна... наверное, сработать.

— А? — Нин Юй побледнел. Он-то думал, что у мастера есть надёжный план, а теперь выходило, что они просто напрашиваются на неприятности. — Бессмертный мастер, может, лучше просто зайдём и честно во всём повинимся?

Синшу, вцепившись в дверной косяк, осторожно заглянул внутрь. Цзилинь всё так же невозмутимо изучал свитки, словно не замечая маячившую перед носом стрекозу.

Мастер поскрёб ногтями по дереву и прошипел:

— Нельзя. Если я сейчас так войду, Няньцзы меня приберёт.

Нин Юй занервничал ещё сильнее. Внезапно Синшу вскрикнул:

— Ой! Стрекоза падает! Ну же, выровняй её скорее!

— Мастер Жуань, я и так стараюсь изо всех сил! — взмолился слуга.

Нин Юй был лишь рядовым прислужником с крошечным запасом духовных сил. То, что он вообще сумел поднять игрушку в воздух, уже было маленьким чудом.

Бамбуковая стрекоза опускалась всё ниже, едва не касаясь столешницы, но в последний момент рука Цзилия перехватила её.

Жуань Синшу радостно просиял и тут же отпрянул в тень.

Цзилинь разглядывал подношение. Игрушка была густо выкрашена киноварью — ярко и празднично. На лопастях тушью были набросаны две фигурки, сидящие плечом к плечу. Всего несколько штрихов, но сходство было поразительным: в крошечных человечках легко узнавались он сам и Синшу.

Перевернув стрекозу, император заметил надпись:

«Цзилиню, любви моей».

Цзилинь едва заметно усмехнулся.

— Заходи, — бросил он в сторону двери.

Жуань Синшу не упустил эту мимолётную тень смягчения на лице Нянцзы и понял: гроза миновала.

Он вихрем влетел в зал и принялся суетливо разливать чай.

— Нянцзы, ты, должно быть, заждался? Истомлён жаждой? Прошу, выпей чаю.

Цзилинь отложил свитки и распорядился:

— Подавайте ужин.

Синшу пристроился рядом, довольно сияя.

— Как только ты сказал о еде, я понял, что умираю от голода.

После трапезы, выждав положенное время, Цзилинь произнёс:

— Ступай омойся.

Жуань Синшу, уже успевший пластом растянуться на кровати, не выказал ни малейшего желания шевелиться.

— Сначала вымойся, потом спи, — настоял император.

Синшу перевернулся на бок, даже не разлепляя век, и лениво протянул:

— Нянцизы, иди первый, а я ещё капельку полежу. — И тут же добавил с лукавством: — Можешь не переживать, я не стану подглядывать за тобой в купальне и посягать на твою добродетель.

Сказав это, он приоткрыл один глаз, но тут же наткнулся на пристальный взгляд Цзилиня. Мастер мгновенно зажмурился и забормотал:

— Так устал сегодня, просто сил нет. Нужно прийти в себя.

Цзилинь лишь покачал головой и направился в купальню с термальным источником.

Как только в комнате воцарилась тишина, Синшу снова осторожно приоткрыл глаз. Убедившись, что Цзилиня нет, он едва не подпрыгнул от радости. Мастер ловко соскочил с постели, выудил из шкафа чистые одежды и на цыпочках бросился к потайному механизму, скрытому за настенной картиной.

С самого приезда в столицу Цзилинь, как и в секте Цзюся Юньмэнь, делил с ним стол и кров. Они спали в одной постели, всё было точь-в-точь как в их бамбуковой хижине на горе Цзыян. Но вот беда — за все эти дни их «супружеская жизнь» ограничивалась лишь сном.

Любимый человек каждую ночь лежал под боком, и Жуань Синшу не терпелось, но Цзилинь оставался непоколебим. Все попытки соблазнения разбивались о ледяную решимость императора. Однако Синшу не думал сдаваться.

«Сегодня точно получится», — подбадривал он себя, проскальзывая в купальню.

Сквозь густую пелену пара угадывался неясный силуэт.

— Нянцизы, — невинно позвал Синшу, — я тут подумал... давай всё-таки искупаемся вместе.

Цзилинь промолчал, что мастер расценил как молчаливое согласие. Он поспешно сбросил верхние одежды, скинул сапоги и уже собрался шагнуть в воду, как вдруг наткнулся на незримое препятствие.

— Ой, это ещё что? — Синшу потыкал пальцами в пустоту. Прямо перед ним выросла прозрачная преграда, отрезавшая путь к бассейну.

Наконец Цзилинь заговорил:

— Рядом есть вторая купель. Мойся там.

Жуань Синшу посмотрел на него со всей скорбью мира.

— Нянцзы... — жалобно протянул он.

Но император остался безучастен. Мастер долго стоял на месте, понутив голову, пока наконец не смирился и не поплёлся к соседнему бассейну.

Он лелеял надежду, что если уж не суждено коснуться любимого, то хотя бы удастся насладиться зрелищем. Но и тут его ждало разочарование: из-за густого влажного пара едва виднелись лишь размытые контуры.

Это омовение стало для Синшу настоящей пыткой. На следующее утро он явился к завтраку с огромными тёмными кругами под глазами.

— Бессмертный мастер, — участливо поинтересовался Нин Юй, украдкой поглядывая на невозмутимого государя, — вы что же, не выспались?

Цзилинь спокойно прихлёбывал кашу, не выказывая никаких эмоций.

— С чего ты взял? Я спал просто чудесно, — буркнул Синшу.

Он небрежно утёр лицо и уселся напротив Цзилиня. Сидел он долго, не притрагиваясь к еде, пока император самолично не положил в его тарелку пышную паровую булочку. Только тогда Синшу просиял и принялся за еду.

— Нянцзы, ты тоже ешь, — он тут же начал заботливо подкладывать еду в тарелку императора.

Глядя на эту лучезарную улыбку, Цзилинь помрачнел. Всего мгновение назад этот человек выглядел глубоко несчастным, а теперь сияет от одной лишь жалкой булочки.

С того дня, как Жуань Синшу очнулся, он относился к нему совершенно иначе, чем к остальным. Цзилинь порой задумывался: была ли причиной тому лишь странная болезнь, или же где-то в глубине души Синшу всегда считал его особенным? Ведь если это не так, почему он не принял за своего «супруга» кого-то другого?

Почувствовав робкую надежду, Цзилинь мгновенно похолодел. Он отложил палочки и поднялся.

— У меня есть дела. Присматривай за ним.

— Слушаюсь, Бися, — поклонился Нин Юй.

<http://bllate.org/book/17521/1659967>